

Когда Узумаки Усаги смотрела, как ее сын покидает дом, чтобы вместе с Варай поужинать, ее улыбка смягчилась. Он и дня не пробыл дома, а уже уезжает. И хотя теперь она была более уверена в безопасности сына, чем раньше, она никогда не могла полностью избавиться от боли, которая овладевала ею, когда она видела, как он уходит.

Закрыв дверь, она медленно вернулась к дивану и вздохнула. Прошло уже около десяти лет с тех пор, как умер ее муж, и с каждым днем Кэннин все больше и больше походил на него. Она, честно говоря, была удивлена, насколько сильно он похож на своего отца - гены Узумаки должны были быть очень сильными. Она достала фотографию покойного мужа и с тоской посмотрела на нее, понимая, что Кэннин, скорее всего, даже не представляет, как выглядел его отец, если не считать его собственной внешности.

Последние десять лет Усаги пыталась пережить горе, в основном стараясь не напоминать о себе. Возможно, Кэннин никогда не считал свою домашнюю жизнь неполноценной, лишенной чего-то, но для Усаги с каждым днем зияющая пустота, оставленная мужем, становилась все больше. Глядя на лицо мужа на фотографии, она сказала себе, что покажет его Кэннину, когда он вернется.

-

Когда Кэннин вернулся, его мама ждала его на диване с фотографией, крепко сжатой в руке. Он догадывался, чем она занимается, и старался не привлекать к этому внимания, но тут услышал: "Иди сюда, я хочу тебе кое-что показать".

Кэннин перебрался на диван и сел рядом с матерью. Она протянула ему фотографию и указала на мужчину с левой стороны. На вид ему было около двадцати с небольшим лет, с такими же седыми волосами, как и у него, только зачесанными назад за уши, а не с ободком, как у Кэннина. Он был почти на голову выше своей матери, которая на фотографии выглядела гораздо моложе, чем в самых давних воспоминаниях Кэннина. Его лицо казалось серьезным, с небольшими вороньими ногами и глубокими морщинами возле рта, но, тем не менее, на нем играла мягкая улыбка. Он был так похож на Кэннин.

"Это твой отец".

"Я догадывался" - сказал он с ухмылкой.

"Его звали Суиджин. Он был наполовину Узумаки, но у него все еще были седые волосы. Он был лучшим шиноби, которого я когда-либо встречала, и он погиб в бою" - она протянула ему фотографию: "Оставь себе. Ты заслужил ее" - и, встав, ушла в свою спальню.

Кэннин остался с кучей вопросов и единственной фотографией. Он знал, что мама, скорее всего, не сможет больше отвечать на вопросы сегодня, а может быть, и еще какое-то время, поэтому взял то, что смог получить.

"Суиджин, ха..." - он пробормотал: "По крайней мере, начало положено".

Он сложил картинку, положил ее в куртку и поднялся по лестнице, чтобы еще немного поработать над своими цепями.

-

К концу дня к нему вернулись теньевые клоны, и он узнал, что его двойник пока не нашел ни одного стоящего учителя кендзюцу, но другой клон запомнил несколько дзюцу освобождения ветра, которые он будет изучать до поры до времени.

Среди них было несколько дзюцу, которые отлично сочетались с его мечом, например "Вакуумный клинок", выбрасывающий из меча лезвие чакры ветра. Помимо основного призыва ветра, был еще один, который вызывал вокруг него вихрь для защиты, и еще один, позволяющий увеличить скорость в бою, хотя это, скорее всего, будет сильно расходовать его чакру.

Сейчас Кэннину нужно было поспать. Ужин с Варай и Тэцу был очень веселым, но в то же время сильно разрядил его психику. Он переоделся в пижаму и заснул как бревно.

-

Утром, собравшись, он снова разделился на тройки и приступил к тренировкам. Один остался дома, чтобы отработать цепи Узумаки, другой отправился на пустое тренировочное поле, чтобы потренироваться в освобождении ветра, а третий бродил по Конохе, размышляя, как научиться кендзюцу.

В какой-то момент клон, работавший над освобождением ветра, понял, что у него достаточно чакры для дальнейшего расщепления, что почти удвоило скорость его прогресса. Настоящий каннин попытался сделать то же самое, чтобы помочь с цепями, но его запасы чакры после расщепления были слишком малы, чтобы сосредоточиться на формировании звеньев. Хорошая новость заключалась в том, что, поскольку он не был на миссии и мог уделять гораздо больше внимания созданию связей, дело шло гораздо быстрее. По его расчетам, при таком темпе к концу месяца у него будет цепь длиной почти 100 метров.

Что касается последнего клона, то он ходил по деревне, искал и спрашивал учителей кендзюцу. Он заходил в оружейные магазины, рассматривал клинки на стенах, спрашивал хозяина и уходил. Затем он подходил к любому шиноби более высокого класса, которого мог найти, и спрашивал. Каждый раз они либо отвечали, что не знают, либо просили проваливать. Детей в Конохе действительно было мало.

И вот, когда клон уже готов был сдаться, он решил, что спросит Хараказе-сенсея. Осталось только выяснить, где она. Он еще немного побродил, расспрашивая окружающих, и в конце концов нашел ее, обедающую не в "Ичираку Рамен". Он сел рядом с ней и через мгновение,

прочистив горло, спросил.

"Ммм, сенсей, не знаете ли вы кого-нибудь, кто мог бы научить меня кендзюцу?"

Шин слегка подпрыгнула и обернулась: "А, это ты. Ты чуть не довел меня до сердечного приступа".

Она отложила палочки и на мгновение задумалась: "Ты хочешь научиться кендзюцу? Мастеров сейчас не так много, но я знаю одного парня..."

<http://tl.rulate.ru/book/104345/3658711>